

**АЛИСА,
ВКЛЮЧИ
КАТАСТРОФУ**

Сесилия Суарез

18+

Сесилия Суарез

Алиса, включи катастрофу

«Автор»

2026

Суарез С.

Алиса, включи катастрофу / С. Суарез — «Автор», 2026

Она медленно, очень медленно повернула голову. Его лицо было в каких-то сантиметрах от ее лица. Ледяные голубые глаза сияли весельем. На губах играла улыбка — наглая, довольная, совершенно невыносимая.— Я это не специально, — прохрипела она, все еще откашливаясь. — Клубничка. Она сама.— Клубничка сама выпрыгнула из вашего бокала и атаковала вон ту блондинку? — он покосился на модель, которая с брезгливым видом выуживала злополучную клубничину из выреза купальника. — Впечатляющий уровень контроля над закусками. Вы, случайно, не дрессировщица? Он думал, что его сердце — это защищенный сервер. Пока туда не ворвалась самая нелепая девушка на свете с голосовой командой «включи романтику».

Содержание

Глава 1. Алиса, включи катастрофу	5
Глава 2. Коктейль «Гадкий утенок» и искусство падать в его сторону	9
Глава 3. Стейк, вилка и искусство соблазнения через удушье	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сесилия Суарез

Алиса, включи катастрофу

Глава 1. Алиса, включи катастрофу

Самолет тряхнуло так, что пластиковый стаканчик с томатным соком подпрыгнул на откидном столике, оставив на белой юбке Анны ржавое, совершенно неприличное пятно. Она зажмурилась и мысленно перебрала названия костей запястья: ладьевидная, полулунная, трехгранная, гороховидная... Это помогало. В травмпункте, куда каждый вечер привозили то слесарей с оторванными фалангами, то бабушек с переломом шейки бедра, это был ее личный метод борьбы с паникой. Скелет человека состоятелен и логичен. В отличие от ее жизни.

— Мамочки, — выдохнула Анна, когда самолет наконец клюнул носом и покатился по полосе аэропорта Адлер.

Сосед справа, мужчина в деловом костюме и с таким выражением лица, будто он только что подписал контракт на поставку скрепок в ад, покосился на ее юбку и брезгливо отодвинулся. Анна готова была провалиться сквозь кресло. Прямо в багажное отделение, к чемоданам, где ей и было самое место.

Отель «Гранд-Марина» сиял в лучах закатного солнца, как гигантский кусок белого шоколада, воткнутого в бархатную зелень субтропиков. Пальмы шевелили листьями с таким ленивым достоинством, словно позировали для обложки глянцевого журнала. Анна, придерживая сумку так, чтобы хоть немного прикрыть позорное пятно на юбке, чувствовала себя гадким утенком, случайно залетевшим в лебединый заповедник. Все вокруг — женщины с идеальными укладками, пахнущие не потом после перелета, а дорогими духами, мужчины в льняных пиджаках — двигались с плавностью, недоступной ей генетически.

Свой номер она нашла не сразу. Сначала перепутала этажи, потом попыталась открыть дверь не той стороной ключ-карты, и только чудом не выломала ручку. Но когда она вошла... Ох.

Номер был прекрасен. Не вычурно-богат, а именно что прекрасен — с панорамным окном во всю стену, за которым на балконе покачивался гамак, а дальше, до самого горизонта, дышало вечернее море. Пахло солью, цветами и чем-то еще — тонким, древесным, от чего сердце забилось чаще. Анна скинула босоножки, прошлепала босиком по прохладному мраморному полу к окну и прижалась носом к стеклу.

Свобода. Целых семь дней свободы, оплаченных премией «Сотрудник года». Премией, которую ей вручили со словами: «Анечка, ты у нас самая ответственная, съезди, отдохни, а то смотреть на тебя страшно — скоро сама в гипс закатаешься». И вот она здесь.

Первым делом Анна, разумеется, споткнулась о край ковра, пытаясь дойти до ванной. Устояла. Прогресс. Затем она двадцать минут провела под горячим душем, смывая с себя усталость, томатный сок и чувство вины за то, что вообще осмелилась на этот отпуск. Вытерлась огромным пушистым полотенцем и, взглянув на себя в запотевшее зеркало, вздохнула. Круглое лицо, веснушки, которые ни один тональник не берет, волосы цвета темного меда, уже выющиеся от влажности в нелепые кудряшки.

«Ну и ладно, — сказала она своему отражению. — Я сюда не женихов искать приехала, а загорать. И пить бесплатные коктейли. И есть».

Отражение смотрело скептически.

Вечер опускался на побережье стремительно, как это бывает только на юге. Анна надела свою любимую пижаму — старенькую, в мелкий цветочек, мягкую от бесконечных стирок —

накинула на плечи банный халат (единственное, что в ее гардеробе выглядело хоть немного по-курортному) и вышла на балкон.

Вот ради этого стоило терпеть перелет, пятно и косые взгляды. Ветер трепал волосы, принося с собой запах водорослей и далекой музыки с набережной. Волны с тихим, убаюкивающим шорохом накатывали на песок где-то внизу. Над морем висел тонкий серп луны.

Анна глубоко вздохнула и почувствовала, как плечи, которые она, оказывается, держала прижатыми к ушам последние полгода, наконец опускаются. Романтика. Ей хотелось романтики. Нет, не мужчины — с мужчинами у нее были отношения примерно как у кошки с пылесосом: сначала интересно, потом страшно, и в итоге она прячется под диван. Ей хотелось музыки, приглушенного света и ощущения, что она — героиня какого-нибудь красивого фильма.

В углу балкона, на небольшом столике, поблескивал матовым пластиком цилиндр умной колонки. Отель шел в ногу со временем. «Алиса» была готова выполнить все ее просьбы.

Анна замерла. Идея была прекрасна в своей простоте. Она высунется в окно — или лучше с балкона? — и громко, уверенно, как женщина, которая знает, чего хочет, отдаст команду. Свет в номере приглушится, польется что-нибудь из Синатры или Дина Мартина, и она, завернувшись в халат, будет сидеть и смотреть на луну, изображая загадочную незнакомку.

План был безупречен.

Она набрала в легкие побольше соленого воздуха, расправила плечи (из-за чего халат тут же сполз с одного плеча, обнажив веснушчатую кожу и бретельку пижамы), повернулась к открытой двери номера и гаркнула во всю мощь своих легких, привыкших перекрикивать шум травмпункта в субботнюю ночь:

— АЛИСА! ВКЛЮЧИ РОМАНТИЧЕСКУЮ МУЗЫКУ И ПРИГЛУШИ СВЕТ!

Голос, подхваченный акустикой балкона и морским бризом, улетел в темноту с силой, достойной оперной дивы.

И в тот же миг в номере, справа и выше ее, свет в панорамном окне погас, как отрезанный. Вместо него в глубине люкса загорелась призрачным сиреневым светом маленькая точка на потолке — проектор. А из открытой балконной двери соседа, перекрывая шум прибоя, полилось тягучее, нахальное контральто саксофона. Это был не Дин Мартин. Это было что-то из репертуара, который крутят в сомнительных барах после полуночи, когда гаснет основной свет и включается подсветка у шестов.

И поверх всего этого, перекрывая даже саксофон, механический женский голос из колонки соседа объявил с издевательской четкостью:

— Включаю плейлист «Для соблазнения. Том 2. Медленный огонь». Приятного вечера. Время остановилось.

Анна смотрела на темное окно соседа. Там, в этой внезапно наступившей интимной полутьме, подсвеченной лишь сиреневым лучом проектора, она различила силуэт. Мужской силуэт. Очень высокий, с широкими плечами, обтянутыми, кажется, белой футболкой. Он стоял спиной к окну, но даже сквозь тонированное стекло было видно, как напряглась его спина.

А потом она услышала смех.

Не его смех. Из динамиков ноутбука, стоящего перед ним на столе, донесся гогот. Грубый, раскатистый мужской гогот.

— Олежа, ты чё там, телок развлекаешь? — проорал голос, искаженный видеосвязью. — А мы тут, понимаешь, отчетность ему шлем, а у него там саксофон и «медленный огонь»! Ну ты даешь, Разумовский!

— Так, все, — донесся до Анны второй голос, более спокойный, но с явной издевкой. — Слышь, Олег, ты нам зубы не заговаривай. Завтра ждем цифры по четвертому сектору. И привет твоей... э-э-э... «Алисе».

Связь прервалась характерным звуком отбоя. В соседнем номере воцарилась тишина, нарушаемая только все еще звучащим саксофоном.

Анна медленно, очень медленно, как в дурном сне, перевела взгляд на свою балконную дверь. Она была открыта. А умная колонка «Алиса» молча предательски стояла на столике, и, судя по всему, микрофоны у нее были чувствительнее, чем Анна предполагала. Она крикнула на два номера. Нет, хуже. Она крикнула в окно соседа.

«Ой, мамочки».

Инстинкт, выработанный годами неуклюжести, сработал быстрее мысли. Бежать. Прячется. Притвориться ветошью. Она рванула с балкона в номер, но халат, это предательское банное изделие, зацепился карманом за ручку шезлонга. Рывок — и Анна, взмахнув руками, словно собиралась взлететь, кубарем покатила по прохладному кафелю балкона, запутавшись в полах. На голову ей, довершая образ полной катастрофы, свалилось с перил влажное полотенце, которое она повесила сушиться.

Она лежала на полу собственного номера, наполовину на балконе, с полотенцем на голове, словно невеста, сбежавшая из-под венца и по пути угодившая в бетономешалку. В ушах все еще звучал призрачный саксофон из соседнего люкса.

А потом саксофон стих. Резко, как обрубили.

И в наступившей звенящей тишине раздался стук в дверь ее номера. Три коротких, властных удара, от которых у Анны мгновенно свело живот.

«Чур меня, чур меня», — забормотала она, пытаясь выпутаться из халата. Полотенце сползло на одно ухо. Она вскочила, поскользнулась на мокром кафеле, чудом удержала равновесие, схватившись за косяк, и на подгибающихся ногах пошла к двери.

— Кто там? — пискнула она, и собственный голос показался ей голосом испуганной мыши.

Ответом была тишина. Но дверная ручка медленно, плавно пошла вниз. Анна с ужасом поняла, что не закрыла дверь на внутренний замок. Щеколда щелкнула. Дверь открылась.

На пороге стоял он.

Сначала Анна увидела только грудь — высоко, очень высоко. Ей пришлось задрать голову, чтобы встретиться взглядом с самыми светлыми, самыми холодными голубыми глазами, которые она когда-либо видела. Это был цвет арктического льда, цвет неба перед снежной бурей. Платиновые, почти белые волосы были зачесаны назад, открывая точеные, словно вырезанные из мрамора скулы и жесткую линию челюсти. Одет он был в простую белую футболку, которая обтягивала литые плечи и плоский живот, и свободные льняные брюки. Он был босиком.

Ангел. Нет, не ангел. У ангелов не бывает таких глаз — оценивающих, сканирующих, видящих ее насквозь, прямо до трепещущей от ужаса души. Это был падший ангел, которого выгнали с небес за особо циничное нарушение техники безопасности.

Он смотрел на нее сверху вниз. На ее пижаму в цветочек. На халат, висящий на одном плече, как тряпка. На полотенце, все еще свисающее с ее головы на манер криво повязанного тюрбана. Его взгляд остановился на ее лице — на раскрасневшихся щеках, на веснушках, на глазах, полных священного ужаса.

Тишина длилась вечность. Где-то внизу шумело море. В номере капала вода из неплотно закрытого крана.

И вдруг его губы дрогнули. Всего на секунду, но дрогнули. Вокруг глаз прорезались крошечные лучики морщинок, и в этих ледяных глазах мелькнуло что-то совершенно неожиданное. Не гнев. Не раздражение.

Искреннее, живое, почти мальчишеское веселье.

— Соблазнять меня через умную колонку — ход оригинальный, — произнес он. Голос у него оказался низкий, приятный, обволакивающий, как дым дорогих сигар. — Признаю, такого взлома моей системы еще никто не проворачивал. Но должен предупредить: я предпочитаю живое общение. Когда команды отдаются не через «Алису», а глядя в глаза.

— Я... это... я не вам, — прошептала Анна, и тут же возненавидела себя за этот жалкий лепет. — То есть, вам, но случайно. Я думала, это моя колонка. Я хотела романтики. Для себя. Одна. Без соблазна. Том первый, наверное. С Динам Мартином.

Она понимала, что несет чушь. Чем больше она говорила, тем шире становилась его улыбка. А когда он улыбался по-настоящему, от его ангельской холодности не оставалось и следа. Это было опасно. Очень опасно.

Он поднял руку, и Анна инстинктивно дернулась, ожидая... она сама не знала чего. Но он всего лишь медленно, осторожно, двумя пальцами снял полотенце с ее головы. Ее мокрые волосы рассыпались по плечам.

— Первое правило техники безопасности в этом отеле, — сказал он, и его голос стал тише, интимнее, словно они были не в дверном проеме, а где-то в гораздо более уединенном месте. — Не орать на «Алису», стоя на балконе в одном халате. Это сводит с ума не только колонку, но и соседей.

Он протянул ей полотенце.

— Меня зовут Олег. И, кажется, вы должны мне хотя бы чашку кофе за сорванную видеоконференцию с очень важными людьми.

Анна судорожно сжала полотенце в руках. Ее сердце колотилось где-то в горле. Ладье-видная, полулунная, трехгранная... Не помогало. Скелет больше не казался состоятельным и логичным. Все кости в ее теле превратились в дрожащее желе.

— Анна, — выдавила она. — Аня. И я... я не умею варить кофе. В номере только чайные пакетики и растворимый.

Олег Разумовский посмотрел на нее долгим, изучающим взглядом, от которого по спине побежали мурашки. А потом он сделал шаг вперед, в ее номер, вынуждая ее попятиться.

— Растворимый — это идеально, — сказал он, прикрывая за собой дверь. — Я как раз люблю, когда все идет не по плану.

Олег снова улыбнулся, и Анна поняла, что ее отпуск только что совершил крутой вираж и устремился напрямик в неизведанное. И, кажется, тормозов у этого аттракциона не предусмотрено.

Глава 2. Коктейль «Гадкий утенок» и искусство падать в его сторону

Утро началось с катастрофы. Впрочем, для Анны это было не столько катастрофой, сколько стандартным режимом запуска операционной системы.

Проснулась она с ощущением, что вчерашний вечер ей приснился. Ну не мог же такой мужчина, как Олег Разумовский, стоять на пороге ее номера, снимать полотенце с ее головы и просить растворимый кофе? Она, должно быть, перегрелась на солнце. Или перепила томатного сока. Да, точно. Сок был просрочен.

Однако чашка из-под кофе — его чашка, с четким отпечатком губ на ободке — стояла на журнальном столике как вещественное доказательство. А рядом лежала визитная карточка из плотной матовой бумаги. Никаких золотых тиснений, только имя «Олег Разумовский» и номер телефона. Без должности. Без названия компании. Только цифры, выведенные острым, летящим почерком от руки.

Анна покрутила карточку в пальцах. От нее едва уловимо пахло чем-то древесным и холодным — тем самым ароматом, который она почувствовала, когда он наклонился к ней вчера.

«Выброси», — сказал внутренний голос, тот самый, что обычно советовал не есть шаурму на вокзале и не носить светлые брюки в дождливый день.

Она аккуратно положила карточку в карман пляжной сумки. Просто на всякий случай. Мало ли, вдруг в отеле случится техническая проблема с вай-фаем? Он же айтишник, кажется. Логично. Рационально. Никакого подтекста.

С этой мантрой она натянула свой самый приличный купальник — темно-синий, цельный, с юбочкой, скрывающей то, что она называла «стратегическими запасами на случай голодной зимы». Накинула тунику, вооружилась книгой (медицинский справочник «Дифференциальная диагностика переломов», легкое пляжное чтиво) и отправилась завоевывать шезлонг.

Пляж отеля «Гранд-Марина» был именно таким, каким его рисуют в рекламных буклетах, которые обещают рай, а по факту предлагают обветшалый сарай с видом на стройку. Только здесь реклама не врала. Белый песок, шезлонги с мягкими матрасами, зонтики цвета топленого молока и море — бирюзовое у берега, густо-синее вдали, с белыми барашками волн. Пахло солью, кокосовым маслом для загара и деньгами. Очень большими деньгами.

Анна выбрала шезлонг в третьем ряду — достаточно близко к воде, чтобы слышать прибой, но достаточно далеко, чтобы не привлекать внимание спасателей, когда она неизбежно начнет сражаться с зонтиком. Сражение состоялось через четыре минуты. Зонтик победил, больно ударив ее по макушке, и Анна, потирая ушибленное место, огляделась — не видел ли кто ее позора.

Слева от нее две модели с ногами от ушей натирали друг друга маслом с таким эротическим подтекстом, что даже чайки смущенно отвернулись. Справа мужчина в панаме читал газету «Ведомости». Анна выдохнула. Никто не смотрел. Она раскрыла справочник на главе «Переломы лучевой кости в типичном месте» и попыталась расслабиться.

Расслабиться не получалось. Потому что ее затылок словно сверлили чьим-то взглядом.

Она резко обернулась. Никого. Только пальмы шевелили листьями, да в баре у бассейна бармен в белом кителе смешивал какой-то разноцветный коктейль. Анна помотала головой. Параноя. Это все из-за вчерашнего. Из-за его глаз, которые, казалось, видели ее сквозь стены.

Она просидела на пляже час. Потом еще час. Кожа начала приобретать оттенок вареного рака — ее вечная проблема, потому что солнце и веснушки были в сговоре. Пора было охладиться.

Бар у бассейна назывался «Морская пена» и был отделан искусственным жемчугом. Анна, чувствуя себя глубоководным существом, выползшим на сушу, присела на высокий стул и устала в меню. Названия коктейлей были одно другого вычурнее: «Поцелуй русалки», «Слеза Нептуна», «Страсть на закате». Цены были такими, что дешевле было купить бутылку рома в дьюти-фри и пить ее в номере из горла.

— Что будете заказывать? — бармен, молодой парень с ослепительной улыбкой, смотрел на нее с профессиональным терпением.

— Мне... э-э-э... — Анна лихорадочно водила пальцем по строчкам. — Вот этот. «Поцелуй русалки». Только можно без поцелуя? То есть, без русалки. В общем, то, что в составе, но чтобы не очень сладко.

Бармен моргнул.

— Понял. Один «Поцелуй» без поцелуя.

Он отошел, а Анна уткнулась лбом в прохладную стойку. «Без поцелуя». Гениально. Сейчас он принесет ей воду из-под крана с листиком мяты за пятьсот рублей.

Коктейль оказался на удивление вкусным — кокосовые сливки, ананасовый сок, капля чего-то алкогольного и очень коварного. Анна сделала глоток, потом еще один, и мир вокруг начал приобретать приятную мягкость. Она даже осмелилась оглядеться по сторонам.

И в этот момент она увидела его.

Олег Разумовский сидел за дальним столиком в тени пальмы. На нем были светлые шорты и свободная льняная рубашка, расстегнутая на груди ровно настолько, чтобы можно было увидеть гладкую, загорелую кожу и намек на мышцы, которые явно знали, что такое физический труд или спортзал. В руке он держал стакан с чем-то прозрачным и пузырящимся. Перед ним стоял открытый ноутбук, но он не смотрел в экран. Он смотрел прямо на нее.

И улыбался. Той самой улыбкой, от которой вокруг глаз появлялись морщинки.

Анна поперхнулась коктейлем. Кокосовые сливки и ананасовый сок пошли не в то горло. Она закашлялась, замахала руками, и клубничка, которая плавала в бокале в качестве украшения, вылетела из стакана и по крутой дуге устремилась напрямиком в декольте модели, сидящей слева.

Модель взвизгнула.

Анна закашлялась еще сильнее. Из глаз брызнули слезы. Она попыталась слезть с высокого стула, чтобы извиниться, но каблук босоножки зацепился за перекладину. Стул покачнулся. Анна взмахнула руками, пытаясь ухватиться за стойку, но пальцы скользнули по полированному дереву.

Она летела вниз, уже представляя, как ее везут в травмпункт (знакомый, родной, но в другом городе) с переломом лучевой кости в типичном месте, когда чьи-то руки подхватили ее за талию, рывком возвращая в вертикальное положение.

Сильные руки. Горячие даже сквозь ткань туники.

Она ударилась спиной о твердую грудь и замерла, боясь дышать. Запах — древесный, холодный — окутал ее, как облако.

— Аня, блин, — раздался над ухом знакомый низкий голос, и в нем звенел откровенный смех. — Вы решили покорить мое сердце через искусство падать в мою сторону? Должен признать, метод работает. Я уже впечатлен.

Она медленно, очень медленно повернула голову. Его лицо было в каких-то сантиметрах от ее лица. Ледяные голубые глаза сияли весельем. На губах играла улыбка — наглая, довольная, совершенно невыносимая.

— Я... это не специально, — прохрипела она, все еще откашливаясь. — Клубничка. Она сама.

— Клубничка сама выпрыгнула из вашего бокала и атаковала вон ту блондинку? — он покосился на модель, которая с безразличным видом выживала злополучную клубничину из

выреза купальника. — Впечатляющий уровень контроля над закусками. Вы, случайно, не дрессировщица?

Анна хотела ответить что-то остроумное, но смогла только выдать сдавленный смешок, больше похожий на всхлип. Он все еще держал ее за талию. Его большие пальцы лежали на ее ребрах, и даже через тунику она чувствовала жар его кожи. Это было... неправильно. И очень, очень волнующе.

— Я в порядке, — выдавила она, пытаюсь высвободиться. — Спасибо. Можете отпустить.

— А если я не хочу? — спросил он тихо, почти шепотом, и улыбка на мгновение исчезла с его лица, уступив место чему-то темному, голодному, что мелькнуло в глубине его глаз.

Сердце Анны пропустило удар. Потом еще один. Она забыла, как дышать.

Мгновение растянулось в вечность. А потом он отпустил ее — медленно, словно и правда нехотя, и отступил на шаг. Его лицо снова стало спокойным и насмешливым.

— Ваш коктейль, кажется, пострадал, — заметил он, кивая на лужу на стойке. — Позвольте мне заглядить вино клубники и заказать вам новый. Настоящий. Без агрессивных ингредиентов.

— Я... — Анна посмотрела на свой пустой бокал, на мокрую стойку, на модель, которая сверлила ее взглядом. — Я не пью. То есть, пью, но уже, наверное, хватит. Мне нужно... мне нужно идти. Кремом мазаться. От загара. У меня кожа чувствительная.

Она понимала, что несет какую-то околесицу, но ноги уже несли ее прочь от бара, от его смеющихся глаз, от его рук, которые все еще горели на ее талии.

— Анна, — окликнул он ее, когда она почти дошла до выхода с пляжа.

Она обернулась.

Он стоял, прислонившись бедром к барной стойке, и смотрел на нее с выражением, которое она не могла расшифровать. Веселье? Да. Но еще что-то. Что-то, от чего по спине бежали мурашки.

— Ужин. Сегодня в восемь. Ресторан «Парус» на крыше. Я заказал столик на двоих. На случай, если вы передумаете насчет соблазнения.

Он не спрашивал. Он ставил ее перед фактом. И прежде чем она успела возразить, он уже отвернулся к бармену, давая понять, что разговор окончен.

Анна добежала до своего шезлонга, упала на него лицом вниз и глухо застонала в подушку. Ладьевидная. Полулунная. Трехгранная. Гороховидная. Кость-трапеция. Трапециевидная кость.

Не помогало. Она все еще чувствовала жар его пальцев на своих ребрах.

Весь оставшийся день Анна провела в номере, как в осажденной крепости. Она заказала еду в номер (пасту с морепродуктами, которую почти не тронула), трижды перечитала главу про переломы шейки бедра и дважды порывалась позвонить на ресепшен и попросить переселить ее в другой номер. Желательно в другом отеле. Желательно в другом городе.

Но каждый раз, когда она брала в руки телефон, в голове звучал его голос: «Ужин. Сегодня в восемь. Я заказал столик».

Он был... пугающим. Не в смысле, что он мог ей что-то сделать физически. Нет, в этом она была почти уверена, он не был таким. Он был пугающим в другом смысле. Он смотрел на нее так, словно она была сложной головоломкой, которую ему не терпелось разгадать. Словно он уже решил, что она принадлежит ему, и просто ждал, когда она сама это поймет.

Это было непривычно. Мужчины обычно смотрели на Анну с легким раздражением или, в лучшем случае, с дружеским снисхождением, как на забавного, но бестолкового котенка. Бывший, Сережа, вообще смотрел сквозь нее, параллельно листая ленту в телефоне. А этот... этот смотрел в самую душу.

В семь тридцать она сдалась.

Надела свое единственное приличное платье — темно-зеленое, с запахом, которое, по заверениям продавщицы, «стройнит и придает загадочности». Посмотрела в зеркало. Загадочности в отражении было примерно столько же, сколько в инструкции к микроволновке. Зато веснушки, казалось, стали еще ярче от солнца. Она попыталась замазать их тональником, но тот скатался, и Анна стала похожа на панду, больную ветрянкой. Пришлось смывать все и начинать заново.

В семь пятьдесят восемь она стояла перед лифтом, судорожно сжимая в руках маленький клатч. Волосы, как назло, вились от влажности в дурацкие кудряшки. На ногах были босоножки на каблуке — ее личное орудие пытки, в котором она ходила с грацией новорожденного жирафа.

Лифт приехал. Двери открылись. В кабине стоял Олег.

На нем был темно-серый костюм, сидевший так идеально, словно его сшили прямо на нем. Белая рубашка с расстегнутой верхней пуговицей открывала шею. Он выглядел... опасно. Как хищник, который нарядился в смокинг, чтобы его пустили в загон с овцами.

Его взгляд скользнул по ней — от растрепанных волос до босоножек, в которых она уже покачивалась, — и на его лице медленно расцвела улыбка.

— Зеленый вам идет, — сказал он, отступая вглубь кабины и жестом приглашая ее войти. — Под цвет морской волны. И ваших глаз, когда вы пугаетесь.

— Я не пугаюсь, — буркнула Анна, входя в лифт и стараясь встать как можно дальше от него. Кабина, впрочем, была не резиновая, и расстояние между ними оставалось предательски маленьким.

— Нервничаете, — поправил он, не спрашивая, а утверждая. — Это хорошо.

— Почему это хорошо?

Двери лифта закрылись. Они медленно поплыли вверх.

— Потому что я тоже нервничаю, — сказал он тихо, и в его голосе на мгновение мелькнуло что-то искреннее, лишенное обычной насмешки. — Со мной такого давно не было. Вы, Анна, опасная женщина.

Она фыркнула, не сдержавшись.

— Я? Опасная? Я сегодня чуть не сломала себе шею, упав с барного стула. Я — ходячая катастрофа.

— Вот именно, — он повернулся к ней, и в тесноте кабины его плечо коснулось ее плеча. Даже через ткань платья и его пиджака она почувствовала электрический разряд. — Вы — катастрофа. Но катастрофа, от которой я не могу отвести взгляд. И это, поверьте, для меня гораздо опаснее, чем любые ваши падения.

Двери лифта открылись на верхнем этаже, впуская в кабину звуки живой музыки и аромат жареного мяса. Олег вышел первым, но тут же обернулся и протянул ей руку.

— Идемте, Аня. Обещаю, сегодня я буду ловить вас при каждом удобном случае.

Она вложила свою ладонь в его — горячую, сухую, с длинными пальцами — и поняла, что пропала. Окончательно и бесповоротно. И это было только начало ужина.

Где-то на периферии сознания промелькнула мысль: «Хорошо бы сегодня обойтись без клубничин».

Глава 3. Стейк, вилка и искусство соблазнения через удушье

Ресторан «Парус» располагался на крыше отеля и представлял собой стеклянный купол, будто подвешенный над морем. Сквозь прозрачные стены и потолок было видно, как закатное солнце медленно тонет в воде, окрашивая горизонт в оттенки расплавленного золота. Над головой уже зажигались первые звезды. Где-то в углу играл пианист — что-то тягучее, меланхоличное, от чего сердце сжималось в сладкой тоске.

Анна шла за Олегом, все еще держась за его руку, и чувствовала себя Золушкой, которую по ошибке пустили на королевский бал. Только вместо хрустальных туфелек у нее были босоножки, в которых она рисковала переломать обе лодыжки до конца вечера. И фея-крестная явно опаздывала.

Их столик стоял у самого края, там, где стеклянная стена уходила вниз, создавая иллюзию, что ты паришь над пропастью. Белая скатерть, мерцающие свечи в матовых подсвечниках, серебряные приборы, разложенные в таком количестве, словно ожидалась делегация из восьми человек. Анна насчитала четыре вилки. Четыре! Зачем одному человеку четыре вилки? Она и с одной-то управлялась не всегда.

Олег отодвинул для нее стул — движение плавное, отточенное, словно он всю жизнь только и делал, что ухаживал за неловкими девушками в цветочных пижамах. Она села, стараясь не задеть скатерть и не опрокинуть свечу. Получилось. Маленькая победа.

— Ты боишься высоты? — спросил он, усаживаясь напротив.

— Нет, — ответила Анна, бросая взгляд за стеклянную стену. Море внизу казалось бесконечным. — Я боюсь только себя. В смысле, того, что я могу натворить в радиусе метра от дорогих вещей.

Олег усмехнулся и взял в руки меню. Его пальцы — длинные, с аккуратными ногтями — скользнули по кожаному переплету. Анна поймала себя на том, что смотрит на его руки. На то, как двигаются сухожилия под загорелой кожей, как поблескивают едва заметные шрамы на костяшках. Руки хирурга. Или пианиста. Или... кого-то, кто привык работать руками.

— Что будешь? — его голос вырвал ее из транса.

Она уткнулась в меню. Французские названия прыгали перед глазами. «Магре де канар», «конфи де кантар», «тартар де беф»... Она поняла только слово «стейк». Стейк — это безопасно. Мясо. Жареное.

— Стейк, — выпалила она. — Средней прожарки. И... э-э-э... воду.

— Воду? — в его голосе прозвучала насмешка. — На свидании со мной пьют вино, Аня.

— Это свидание? — пискнула она, и тут же прокляла свой язык.

Он отложил меню и посмотрел на нее тем самым взглядом — из-под чуть опущенных век, тяжелым, гипнотическим.

— А ты как думаешь?

В горле пересохло. Анна потянулась к бокалу с водой, который уже стоял на столе, сделала глоток — и поперхнулась. Вода пошла не в то горло. Она закашлялась, прикрывая рот салфеткой, чувствуя, как щеки заливают краской.

Олег не шевельнулся. Просто смотрел, как она задыхается, с выражением лица, в котором смешивались веселье, нежность и что-то еще — что-то хищное, довольное, словно он наслаждался ее смущением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.